

«Я от себя не отрекусь...»

Именно так назывался литературный вечер в отделе искусств Центральной городской библиотеки, посвященный 90-летию нашего земляка, поэта и человека широкой души Валерия Алексеева.

Начала рассказ о его судьбе библиотекарь-краевед Нина Николаевна Хивратова.

Родился Валерий Анатольевич в Уфе 21 января 1923 года. В детстве много болел, и его мать, ставшая для сына образцом русской женщины, регулярно читала ему вслух Лермонтова. Первое стихотворение Валерий написал в 10-летнем возрасте, а в 16 лет первый раз напечатался в газете «Орский рабочий». В своей автобиографии поэт не без иронии сообщал, что в школе он хулиганил, в институтах был постоянно вызываемым в комитет ВЛКСМ «на правож», а позже в ГУЛАГе отбывал наказание в штрафном изоляторе. Трижды тонул, был ранен в сентябре 1941 года при бомбардировке Ельни, но никогда не разлучался с книгами.

В юности увлекался символизмом, Александром Блоком. Окончил Московский механический институт, стал инженером, но в 1946 году поступил еще и в Московский институт международных отношений. В феврале 1948-го арестован МГБ по пункту 10 статьи 58. Как говорили в то время - «за язык». Получил 10 лет лагерного срока, а реабилитирован только в начале 90-х годов прошлого века. И то благодаря терпению и упорству Вадима Шутько.

С 1959 года стал печататься в «Литературной России», в «Сибирских огнях», «Знамени» и «Молодой гвардии», в альманахах «Поэзия», «Кубань» и «Сибирь». Но только в 1981 году принят в Союз писателей.

Ребята из литературной студии Татьяны Стрельниковой - Олег Шамсиев и Сергей Сердечкин - читали стихи Алексеева. Звучали хорошие песни на добротные написанные стихи, на экране появлялись мозаикой фотографии 60-70 годов, в том числе и с любимой женой Валерия Анатольевича - Валентиной.

Он никогда не скрывал, что смотрит на жизнь «со своей колокольни», что главное для поэта - быть рядом с трудягами и иметь гармонию в собственной душе. Он был честен с читателем, ему принадлежит строка «Не верьте, что Ангарск построен комсомольцами». Ведь в город он попал в 1953 году с этапом зэка. И все-таки считал Ангарск своим городом, где не было решеток на окнах и железных дверей, а ключи от квартиры убирались под коврик. Вырастил двоих сыновей. Один осел в Арзамасе, другой чуть не погиб в Кабуле.

Люди, которые его знали при жизни, рассказывали, с каким юмором Алексеев повествовал о своей иркутской встрече с Марком Давыдовичем Сергеевым. Пили вино в гостинице, ангарчанин притащил рюкзак тетрадей со стихами и читал до четырех утра. А потом Сергеев выдал вердикт: «Эти стихи никуда не годятся, пиши другие!» И Валерий Анатольевич писал, в том числе и о ставшем ему родным Ангарске.

Вообще-то первые наши литераторы - Алла Стародубова, Нина Ямщикова, Роман Гудков, Иннокентий Новокрещенных, Леонид Беспрозванный, Валерий Алексеев - были убежденными романтиками.

А Алексеев даже требовал «выжигать лирику каленым железом», но следом признавался, что «любовь - неизлечимая болезнь». Он выпустил семь сборников стихов, последний вышел в 1998 году.

Людмила Васильевна Соболевская вспоминает, каким сталинским маразмом дышало прошлое ангарского поэта, одного из руководителей ЛИТО и почетного гражданина Ангарска. А ведь после войны, после победной войны, в стране и жизни людей что-то должно было измениться! Сам Алексеев о себе кричать не хотел, считал возможный крик о своей невинности пустым времяпрепровождением. В чем-то был радикален, но всегда свободен. Считал поэзию не женским делом, но мог выступать перед зрителями-слушателями и вместе с поэтессами.

Александр Иванович Обухов вспомнил свою первую встречу с Алексеевым и его похвалу в адрес молодого поэта: «У Обухова техника на высоте». И Валерий Анатольевич рекомендовал опубликовать некоторые стихи в «Знамени коммунизма». Он мог быть резок во мнениях, не признавал стихоплетческой фальши, в суждениях был прям, как клинок меча.

Антон Ефимович Шмигун рассказал, как отмечалось 75-летие Алексеева в ДК нефтехимиков - и там с пространной речью славословия выступил Владимир Скиф. Но на всю эту риторику Валерий Анатольевич отозвался своеобразно: «У кого же юбилей, у Алексеева или у Скифа?!»

Анатолий Кузьмич Осауленко, «аксакал» ангарской поэзии и скульптуры, упомянул свои попытки слепить бюсты Сергеева и Алексеева. Но те все это благое дело откладывали на «потом», на «другой раз». И не сбылось.

Николай Васильевич Березенков рассказал, как Валерий Анатольевич разжигал в нем, молодом авторе, поэтическую злость, звал в рестораны отмечать выход своих сборников, говорил о поэзии в своем маленьком кабинете с большими книжными полками, но Березенков тогда уехал в деревню преподавать биологию. Однако до сих пор помнит трафарет алексеевской критики: «Бред сивой кобылы!» Никогда не плакался, не

жаловался на судьбу, мог обозвать лирику «слюнтяйством» и очень любил поэзию Евгения Винокурова, которая, по его словам, «отражала время».

Валерий Васильевич Кириченко признался, что не хочет читать лагерную поэзию. Сегодня всякий, кому не лень, может спекулировать на этой теме и переворачивать историю по-своему. Но главное в том, чтобы мы помнили своих предшественников и зачинателей своего литературного мировоззрения.

И в этом с ним нельзя не согласиться.

Надо ли говорить, что весь вечер звучали стихи Валерия Анатольевича? Вряд ли. Ведь вечер памяти поэта просто невозможен без звучания его строф.

Александр ОГНЕВ

Вся неделя. – 2013. - №4 (31 января). – С. 7.